

СТАНОВЛЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ КОСВЕННОСТИ/НЕКОСВЕННОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривается становление морфологической категории вида речи в процессе развития немецкого языка, что объясняет статус конъюнктива косвенной речи в его современной системе как одной из граммем данной категории, образовавшейся из оптатива в результате перестройки всей модальной системы немецкого языка.

В современной германистике нет единства мнений относительно конъюнктива косвенной речи современного немецкого языка. Его статус и значение в системе наклонений трактуются по-разному:

- как формы единого наклонения конъюнктива, выражающие значение неуверенности говорящего в достоверности передаваемых им слов, т.е. как одно из частных значений конъюнктива – модальности нереальности в широком смысле слова [1–5];
- как формы конъюнктива I, так как конъюнктив не считается единым наклонением, а разделяется на конъюнктив I (презентные формы) и конъюнктив II (претеритальные формы) [6–8];
- как самостоятельное наклонение с особой модальностью косвенной речи [9], исключающее значения реальности/нереальности [10];
- как наклонение косвенной речи, выражающее косвенную модальность действительности, а под влиянием контекста – и косвенную модальность недействительности [11];
- как показатель усиления косвенности [12];
- как вариант индикатива [13, 14].

Таким образом, проблема конъюнктива косвенной речи остается одной из спорных проблем современной теории наклонений. Решение спорного вопроса о статусе конъюнктива косвенной речи в системе современного немецкого языка непосредственно связано с тем, как трактуется сама категория наклонения.

Традиционная точка зрения на категорию наклонения как на трехчленную оппозицию (индикатив/конъюнктив/императив) [2–5, 15, 16] не дает ясного представления о составе наклонений и отношении между ними, которые в современной германистике интерпретируются по-разному, т.е. в рамках традиционной концепции наклонений существует ряд спорных вопросов. Кроме упомянутой выше спорной проблемы о конъюнктиве косвенной речи, противоречивой представляется трактовка в рамках одного наклонения отношений между презентными и претеритальными формами конъюнктива прямой речи как модальной оппозиции [5, 10, 15, 16].

К спорным проблемам теории наклонений относится также вопрос о статусе императива. Сложность данного вопроса состоит в том, что в современном немецком языке значение императива (побудительность) совпадает со значением синтаксической структуры, в которой он употребляется, – с целеустановкой предложения. Это значение традиционно относят к модальным и, в частности, рассматривают как нереальное в широком смысле слова. Однако, с другой стороны, значение цели высказывания (побуждение/сообщение/вопрос) не считается

значением модальным. Таким образом, остается неясным, является ли императив средством выражения модальности или же средством выражения побудительной целеустановки предложения.

В лингвистической литературе эта проблема решается по-разному. Некоторые исследователи исключают значение побудительности из категории целеустановки предложения и относят его к модальным значениям [17]. Другие лингвисты считают невозможным рассматривать императив вместе с индикативом и конъюнктивом как члены одной категории [7, 18]. Причиной такой трактовки императива является его структурная связанность, характер его значения, обусловленный особой функцией этого коммуникативного вида предложения и особенностями его формообразования.

Даже представители традиционной теории наклонений отмечают, что императив, употребляемый преимущественно в повелительных предложениях, противопоставлен индикативу и конъюнктиву, которые образуют соответственно повествовательные и вопросительные предложения. Ср.: «...dass der Imperativ, der meistens in den Befehlsätzen vorkommt, dem Indikativ und dem Konjunktiv, die die Aussage- und Fragesätze bilden, gegenübersteht. Der zweite Grund, den Imperativ von anderen Modi abzusondern, ist, daß er keine Abstufung der Zeit kennt» [15. С. 202].

В лингвистической литературе помимо традиционной теории наклонений представлены и другие концепции наклонений, авторы которых предлагают свои решения перечисленных выше спорных проблем традиционной теории наклонений. Так, по мнению О.И. Москальской, три наклонения современного немецкого языка образуют иерархическую систему оппозиций. Первая оппозиция – между императивом и неимперативом. В рамках неимператива индикатив противопоставлен конъюнктиву. Ср.: «...bilden drei Modi ein hierarchisches System von Oppositionen: die erste Opposition entsteht zwischen dem Imperativ und dem Nichtimperativ. Im Rahmen des Nichtimperativs ist der Indikativ dem Konjunktiv gegenübergestellt» [10. С. 68]. Принимая во внимание специфику императива, немецкий лингвист П. Айзенберг вообще не рассматривает его в глагольной парадигме [18. С. 108].

Перечисленные выше спорные проблемы теории наклонений пытается решать и Л.С. Ермолаева, которая рассматривает проблему модальности и категорию наклонения с учётом произошедших в системе немецкого языка изменений. Такой подход позволяет ей показать, что традиционная точка зрения на категорию наклонений как на трехчленную оппозицию не соответствует более реальным языковым фактам.

В готском языке в основе категории наклонений действительно лежала трёхчленная оппозиция: индикатив/оптатив/императив [19, 20].

Индикатив употреблялся в повествовательных и вопросительных предложениях и, как показывают примеры из готской библии, обозначал действия действительно совершающиеся: *amen auk qifa izwis* – Mat. V, 18 – ‘истинно **говорю** вам’; *jah sai, qimif ains pize swnagogafade* – Mrk. V, 22 – ‘и вот **приходит** один из начальников синагоги’; *hvar ist gazds þeins, dauþu?* – I. Kor. XV, 55 – ‘Где же твоё **жало, смерть?**’ – или совершившиеся, т.е. действительные: *tanne sumis aihta twans sununs* – Luk. XV, 11 – ‘У одного человека **было** двое сыновей’; *izei sunja izwis rodida* – Jhn. VIII, 40 – ‘который **говорил** вам истину’; *hvas mis taitok?* – Mrk. V, 31 – ‘Кто **коснулся** меня?’

Индикатив выражал не только настоящее и прошедшее, но и будущее. Так как специальная форма будущего времени отсутствовала, то для выражения будущего употреблялась форма настоящего времени: *managai fram urruns jah saggga qimand* – Mat. VIII, 11 – ‘многие **придут** с востока и запада’; *qaf izai Iesus: usstandif broþar þeins* – Jhn. XI, 23 – ‘сказал ей Иисус: **воскреснет брат твой**’; *uswaurts is wisif du aiwa* – II Kor. IX, 9 – ‘Справедливость его **переживёт** века’.

Императив широко употреблялся в готском языке для выражения приказа, повеления, требующего немедленного исполнения, и обозначал действия, которые желательны, необходимы и т.д., т.е. несовершившиеся действия: *gagg þwahan in swumsl Siloamis* – Jhn. IX, 7 – ‘**пойди** умойся в купальне Силоам’; *if jabai augo þein þata taihswo marzjai þuk usstagg ita jah waip af þus* – Mat. V, 29 – ‘и если правый глаз твой соблазняет тебя, **вырви** его и **выбрось** прочь’; *aflet jainar þo giba þeina in andwairþja hunslastadis jah gagg faurþis gasibjon broþr þeinamma, jah biþe atgaggands atþair þo giba þeina* – Mat. V, 24 – ‘**Оставь** там дар твой перед жертвенником, и **пойди**, прежде примиришься с братом твоим, и тогда **приди** и **принеси** дар твой’.

Реже императив выражал просьбу: *atta, nasei mik us þizai hveilai* – Jhn. XII, 27 – ‘Отче! **Избавь** меня от часа сего!’; *jah aflet uns þatei skulans sijaima* – Mat. VI, 12 – ‘и **прости** нам долги наши’.

Употребление императива ограничивалось синонимичным употреблением оптатива. В третьем лице императив встречался редко: *Xristus, sa þiudans Israelis, atsteigadai nu af þamma galgin* – Mrk. XV, 32 – ‘Христос, царь Израилев, **пусть сойдёт** теперь с креста’; *trauida du guda: lausjadai nu ina, jabai wili ina* – Mat. XXVII, 43 – ‘уповал на Бога: **пусть** теперь **избавит** его, если он угоден ему’; *if jabai ni gahabaina sik, liugandai* – Kor. I VII, 9 – ‘но если не могут воздержаться, **пусть вступают в брак**’ и при выражении пожелания имела место его замена на оптатив. Ср.: *liuhþjai* (презенс оптатива) *liuhþ izwar* – Mat. V, 16 – ‘**пусть светит** ваш светильник’; *if guþ þulainais jah þrafsteinais gibai* (презенс оптатива) *izwis* – Röm. XV, 5 – ‘и бог терпения и утешения **да дарует** вам’.

В первом лице множественного числа для выражения приглашения к совместному действию употреблялся как императив, например: *usleipam* (императив)

jainis stadiš – Mrk. IV, 35 – ‘**переправимся** на ту сторону’; *uswairþam* (императив) *nu waurstþwam riqizis, if gawasþam* (императив) *sarþwam liuhadis* – Röm. XIII, 12 – ‘**отвергнем** дела тьмы и **оденемся** в броню света’, так и оптатив: *swe in daga garedaba gaggaima* (презенс оптатива) – Röm. XIII, 13 – ‘как днём **станем ходить**’; *þairhgaggaima* (презенс оптатива) *ju und Beþlain jah saihvaima* (презенс оптатива) *waurd þata waurþano* – Luk. II, 15 – ‘**пойдём** же в Вифлеем и **посмотрим** совершившееся слово’.

Приведённые примеры показывают, что в третьем лице обычно высказывалось пожелание, поэтому в данной форме, как правило, использовался оптатив. В форме первого лица множественного числа высказывалось приглашение к совместному действию, а не приказ, что обуславливало употребление как императива, так и оптатива. Таким образом, в готском языке отсутствовало чёткое разграничение функций оптатива и императива. Ср. в этой связи исследования М.М. Гухман, Л.С. Ермолаевой и В. Брауне, которые подтверждают отсутствие чёткой границы между функциями императива и оптатива [19–21].

В готском языке можно выделить две сферы употребления оптатива: простое и сложное предложения.

В простом предложении формы презенса оптатива употреблялись для выражения выполнимого пожелания: *wairþai mis bi waurda þeinamma* – Luk. I, 38 – ‘Пусть со мной **случится** то, что ты **предсказываешь**’; *ei hauhþaidai sunis gudis þairh þata* – Jhn. XI, 4 – ‘да **прославится** через неё (болезнь) сын Божий’; *ei ni gaumidedeina augam jah froþeina hairtin jah gawandidedeina jah ganasidedþau ins* – Jhn. XII, 40 – ‘да не **видят** глазами, и не **уразумеют** сердцем, и не **обратятся**, чтобы я исцелил их’.

Формы презенса оптатива употреблялись также для выражения предписания: *waila tauþaid þaim fijandam izwis* – Luk. VI, 27 – ‘добро **делайте** ненавидящим вас’; *sijais waila hugjands andastaiu þeinamma sprauto* – Mat. V, 25 – ‘**мирись** с соперником твоим скорее’.

Часто формы оптатива выражают повеление в отрицательных предложениях, приобретая форму запрета: *ni maurþþrais* – Mat. V, 21 – ‘не **убивай**’; *ni filuwardþaiþ* – Mat. VI, 7 – ‘не **будьте многоречивы**’; *ni huzdþaiþ* – Mat. VI, 19 – ‘не **собирайте сокровищ**’.

Особую сферу употребления представляли собой потенциальный оптатив, выражавший возможность: *hwaiwa sijai* (презенс оптатива) *þata, þandei aban ni kann?* – Luk. I, 34 – ‘как же **может быть** это, если я мужа не знаю?’; *nu saiþwala meina gadroþnoda, jah hwa qifau* (презенс оптатива) ? – Jhn. XII, 27 – ‘Душа моя возмущалась, и что мне **сказать?** (и что я могу **сказать**)’ и дубитативный оптатив, выражавший сомнение: *nibai usqimai* (презенс оптатива) *sis silþin...* – Jhn. VIII, 22 – ‘неужели **убьёт** самого себя...’.

Данные значения оптатив редко выражал в утвердительных предложениях, чаще в вопросительных: *sai, jau ainþun þize reike galaubidedi imam aiþþau Fareisaie?* – Jhn. VII, 48 – ‘разве кто-либо из начальников или из фарисеев **уверовал** в него?’ (претерит оптатива).

Однако для выражения возможности в самостоятельном предложении оптатив употреблялся редко, а сомне-

ние мог выражать также и индикатив. Ср.: *niu ussuggwiuf aiw hva gatawida Daweid?*... – Mrk. II, 25 – ‘**неужели вы** никогда **не читали**, что сделал Давид?...’; *ibai þau us Galeilaia Kristus qimib?* – Jhn. VII, 41 – ‘разве из Галилеи Христос **придѣт**?’; *ibai jah jus afairzidai sijub?* – Jhn. VII, 47 – ‘неужели и вы **прельстились**?’; *wa jah jus unwitans sijub? ni fraþijþ ...* – Mrk. VII, 18 – ‘**Неужели и вы так непонятливы? Неужели не разумеете** ...’. В двойственном вопросе оптатив стоял только во второй части: *Ibai Paulus ushramiþs warþ in izwara, aiþþau in namín Pawlus daupidai weseiþ?* – I. Kor. I, 13 – ‘разве Павел был распят ради вас, или во имя Павла вы **крестились**?’

Оптатив употреблялся также для обозначения процесса, который осуществится в будущем. Значение будущего времени в этих случаях иногда имело оттенок долженствования, например: *jah qens þeina Aileisabaib gabairid sumi þus, jah haitais namo is Iohannen* – Luk. I, 13 – ‘и жена твоя Елизавета родит тебе сына, и **назовѣшь** (должен назвать) его именем Иоанн’; *jabai hvis broþar gadaupnai aigands qen, jah sa unbarnahs gadaupnai, ei nimai broþar is þo qen* – Luk. XX, 28 – ‘если у кого умрѣт брат, имевший жену, и умрѣт бездетным, то брат его **должен будет взять** его жену’ или сомнения: *þande nu jainis melam ni galaubeiþ, hvaiwa meinam waurdam galaubjaib?* – Jhn. V, 47 – ‘когда не верите его писаниям, **как же поверите** моим словам?’

Как следует из приведѣнных выше примеров, оптатив выражал волеизъявление говорящего, которое не требовало немедленного исполнения, и употреблялся для выражения выполнимого желания, предписания, запрета, т.е. обозначал действия, которые ещё не совершились, но осуществление которых возможно, желательно, необходимо и т.д. Таким образом оптатив в готском языке имел значение недействительности или незвидентности.

Оптатив употреблялся в различных типах придаточных предложений, сохраняя при этом основные значения, характеризующие его употребление в простом предложении.

В придаточных дополнительных оптатив часто используется для передачи чужой речи: *jus qifib þatei wajamerjau* (презенс оптатива) – Jhn. X, 36 – ‘вы **говорите**, что я **богохульствую**’; *ei hvas ni qifai þatei in meinamma namín daupidedjau* (претерит оптатива) – I. Kor. I, 15 – ‘...чтобы не сказал кто-либо, что **крестил** моим именем’; *sau ist sa sumis izwar þanei jus qifib þatei blinds gabaurans waurþi* (претерит оптатива)? – Jhn. IX, 19 – ‘это сын ваш, о котором вы **говорили**, что он **был** рождѣн слепым?’

Однако употребление оптатива для оформления косвенной речи в готских текстах не носит регулярного характера. Ср.: *hvaiwa þu qifis þatei frijai wairþib* (презенс индикатива)? – Jhn. VIII, 33 – ‘как же ты **говоришь**, что станете свободными’; *aten qifa izwis þei hapa ni hrukeiþ* (презенс индикатива) – Jhn. XIII, 38 – ‘истинно **говорю** вам, что петух не **прокричит**’.

Приведѣнные примеры употребления наклонений в готском языке свидетельствуют:

– индикатив выражал значение **действительности**, т.е. эвидентности. Ср.: «...эвидентными представлялись действия, уже происшедшие или происходящие, отсюда и термин «модальность действительности» [22. С. 69–70].

– императив и оптатив относились к области **недействительности** (незвидентности).

Следовательно, можно заключить, что в основе категории наклонений в готском языке лежало семантическое противопоставление **действительности/недействительности**.

Однако в письменных памятниках готского языка встречается в отдельных случаях употребление претерита оптатива в значении нереального желания: например: *atei iþ wissedeis jah þu in þamma daga þeinamma þo du gawairþja þeinamma! iþ nu gafulgin ist faura augam þeinam* – L. XIX, 42 – ‘**О если бы** и ты **мог узнать** в эти дни, что служит для твоего мира! Но это скрыто от глаз твоих’; *ei wainei usþulaidedeiþ meinaizos leitil* – I. Kor. XI, 1 – ‘**о если бы** вы **были** немного снисходительными’; или нереальной обусловленной возможности: *jabai in Saudaumjam waurþeina mahteis þos waurþanons in izwis, aiþþau eis weseina und hina dag* – Mrk. XI, 23 – ‘если **бы** в Содоме **произошло** то, что произошло у вас, он **бы сто-ял** по сей день’. Во второй части данного предложения действие в настоящем времени выражено претеритом оптатива, что позволяет сделать вывод о том, что в подобных случаях претерит оптатива выражает не прошедшее время, а является средством выражения нереальности.

Большинство германистов рассматривают вышеуказанные формы как претерит оптатива [19, 20]. Однако Л.С. Ермолаева считает, что в подобных примерах форма, совмещающая в себе маркеры претерита и оптатива (показателем оптатива является суффикс -ei- [i:]), выражает модальность нереальности безотносительно к временному значению. Это свидетельствует о том, что она не является временной формой оптатива, а представляет собой форму нового зарождающегося наклонения – ирреалиса, парадигматическим значением которого является нереальность [21. С. 221]. Ирреалис в готском языке регулярно не употреблялся и его системный статус ещё не сложился.

В готском языке не существовало также и класса модальных глаголов, однако некоторые претерито-презентные глаголы употреблялись для выражения значений возможности, необходимости, а глагол *wiljan* – для выражения желания.

Анализ текстов готской библии показал, что из 14 претерито-презентных глаголов в готском языке 5 глаголов употреблялись для выражения различных модальных оттенков [23].

Глагол *maþan* выражал в готском языке различные оттенки возможности:

– возможность, вытекающую из физических или умственных способностей субъекта: *mag guþ us stainam þaim urraisjan barna Abrahamata* – Luk. III, 8 – ‘**бог может** из камней разбудить детей Авраама’; *graban ni mag, bidjan skata mik* – Luk. XVI, 3 – ‘**копать не могу, просить стыжусь**’;

– возможность, обусловленную внешними обстоятельствами: *ni mahtedun andqifan imma faura managein* – Luk. VIII, 19 – ‘они не **могли** заговорить с ним из-за большого скопления народа’; *qen liugaida jah duþe ni mag qiman*. – Luk. XIV, 20 – ‘я **женился** и **потому не могу прийти**’;

– запрет со стороны другого лица: *jah qap: duþe qap izwis þatei ni ainshun mag qiman at mis, nibai ist atgiban imma fram attin meinamma* – Jhn. VI, 65 – ‘и сказал: для того и говорил я вам, что никто не **может** прийти ко мне, если это не дано будет ему от отца моего’.

Глагол *skulan* в большинстве случаев выступал в качестве модального глагола и в сочетании с инфинитивом обозначал различные оттенки долженствования, необходимости. Спектр оттенков, выражаемых данным глаголом, довольно широк:

– необходимость как следствие чужой воли, повеления другого лица: *swa jah jus, þan taujaip alla þo anabudanona izwis, qipaiþ þatei skalkos unbrukjai sijum, unte þatei skuldedum taujan gatawidedum* – Luk. XVII, 10 – ‘так и вы, когда исполните всё, что вам было велено, говорите: «Мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что **должны** были сделать»; *ik skal waurkjan waurstwa þis sandjandins mik* – Jhn. IX, 4 – ‘я **должен** делать дела пославшего меня’;

– необходимость действовать в соответствии с нормой, законом: *wa jah wairos skulun frijon seinos qenins swe leika seina* – Eph. 5, 28 – ‘так мужья также **должны** любить своих жён как своё тело’; *ni auk skulun barna fadreinam huzdjan* – II. Кор. XII, 14 – ‘ибо дети не **должны** собирать сокровища для родителей’. В отрицательных предложениях данное значение приобретало форму запрета: *ip skalks frauþins ni skal sakan* – II. Tim. II, 24 – ‘рабу же Господа **нельзя** ссориться’;

– необходимость как внутренняя потребность субъекта: *arbaidjands airþos waurstwja skal frumist akrane andnitam* – II. Tim. II, 6 – ‘работающий на земле **должен** сперва получить плоды’; *nauh ganoh skal qipan izwis* – Jhn. XVI, 12 – ‘мне **необходимо** вам ещё многое сказать’;

– необходимость, обусловленная внешними обстоятельствами: *þanzei skal gasakan, þaiei gardins allans uswaltjand laisjandans þatei ni skuld ist, in faihugairneins* – Tim. I, 11 – ‘каковым (непокорным, пустословам и обманщикам) **нужно** запретить, они развращают целые дома’.

В функции модального глагола со значением желания встречается глагол *wiljan*, не относящийся к группе претерито-презентных: *Herodia... wilda imat usqiman jah ni mahta* – Mrk. VI, 19 – ‘Ирод **хотел** его убить и не мог’; *gabandwidedun þan attan is þata hvaiwa wildedi haitan ina* – Luk. I, 62 – ‘они знаками спросили тогда отца, как он **хотел** бы назвать его’; *ni wilda inngaggan* – Luk. XV, 28 – ‘он не **хотел** войти’; *jabai hvas wili frumists wisan* – Mrk. IX, 35 – ‘если кто **хочет** первым быть...’.

В лингвистической литературе представлено мнение, что для выражения возможности в готском языке употреблялся также глагол *haban*, а для выражения желания – глагол *usbidan* [24. С. 136]. Оба данных глагола не являются претерито-презентными.

Анализ значений наклонений и претерито-презентных глаголов готского языка позволяет заключить, что претерито-презентные глаголы могли выступать в функции модальных, но класс модальных глаголов со свойствами им семантическими, морфологическими и синтаксическими признаками в готском языке ещё не сформировался [23].

В некоторых случаях глаголы *magan* и *sculan* в готском языке употреблялись в значениях, характерных для императива и оптатива.

Глагол *sculan* выражал необходимость как следствие чужой воли с оттенком повеления. Ср.: *jabai nu <ik> usþwoh izwis fotuns, frauja jah laisareis, jah jus skuluþ izwis misso þwahan fotuns* – Jhn. XIII, 14 – ‘**итак, если я, Господь и учитель, умыл ноги вам, то и вы должны** мыть ноги друг другу’. Данный глагол мог также употребляться для выражения значения будущего с оттенком долженствования, выступая синонимом оптатива: *ei waurd frauþins usfullnodedi, þatei qap, bandwands hwileikamma dauþau skulda gaswiltan* – Jhn. XVIII, 32 – ‘да **сбудется** слово Господа, которое сказал он, давая понять, какой смертью он **умрёт**’.

Как и оптатив, глагол *sculan* выражал в ряде случаев предписание. Ср.: *Qapuf-þan jah gajukon im du þammei sinteino skulun bidjan jah ni wairþan usgrudjans* – Luk. XVIII, 1 – ‘**расскажи** также им притчу о том, что **следует** всегда молиться и не унывать’.

Magan, как и презенс оптатива, выражал возможность, но, как было показано выше, более дифференцированно. В связи с редким употреблением в готском языке оптатива со значением возможности можно предположить, что данную функцию постепенно принимает на себя глагол *magan*.

Анализ текстов древневерхненемецкого периода показал, что в древневерхненемецком языке, как и в готском, императив употреблялся для выражения приказа или просьбы: *Quemet inti gisehet* – T. 16, 2 – ‘**пойдите и увидите**’; *Hilf, drühtin, mir in nōti* – O. III, 17, 63 – ‘**помоги** мне, Господи, в нужде’.

В древневерхненемецком языке императив чаще всего встречается в форме второго лица единственного и множественного числа. Ср.: *giloubet in liot* – T. 139, 10 – ‘**веруйте** в свет’; *quid thaz these steina zi brōte uuerden* – T. 15, 3 – ‘**скажи**, чтобы эти камни стали хлебом’; *Fraget inan es in wār* – O. III, 20, 93 – ‘**спросите** его...’. В текстах Отфрида форма второго лица императива употребляется и для выражения запрета: *ni laz quēman thaz io in miat min* – O. V. 24, 7 – ‘**не позволяй** говорить, что в моей душе’.

В первом лице множественного числа для выражения побуждения к совместному действию употребляется синкретичная форма императива – индикатива: *farames zi Bethleem inti gisehemes thaz uuort thaz gitān ist* – T. 6, 4 – ‘**пойдём** в Вифлеем и **посмотрим** свершившееся слово’. Только в текстах Отфрида формы первого лица множественного числа индикатива и императива не совпадают [20. С. 284], и можно точно сказать, что в данном случае используется форма императива. Ср.: *Farames so thie ginoza ouh āndara straza* – O. I, 18, 33 – ‘**давайте поедём** как спутники **може** по другой дороге’; *Mit āllen unsen krēftin bīttēmes nu drühtin* – O. I, 28, 1 – ‘**всеми** нашими силами **давайте попросим** теперь Бога’.

В третьем лице единственного числа употреблялись только формы оптатива, императив не употреблялся. В древневерхненемецком периоде в простом предложении презенс оптатива в третьем лице в большинстве случаев выражал реальное пожелание. Ср.: *Sí iuīar uuort...* – T. 30,

5 – ‘*да будет слово ваше*’; *thie thar habe orun zi horene, hore!* – Т. 71, 6 – ‘*способный слышать пусть услышит!*’; *Só liuhte iuuar liot fora mannon* – Т. 25, 3 – ‘*да светит ваш свет перед людьми*’; *ni frewên sih es alle* – О. I, 1, 123 – ‘*пусть все радуются*’; *er stige nidar fon themo cruce* – Т. 206, 3 – ‘*пусть сойдёт с креста*’; *nû ságe mîr* – N.B. I, 52, 24 – ‘*пусть он мне скажет*’.

Во втором лице оптатив употребляется редко. В «Тациане» он употребляется для выражения запрета: *nî slahes, nî huoros, nî tues thiuba* – Т. 106, 2 – ‘*не убивай, не прелюбодействуй, не кради*’. У Отфрида второе лицо оптатива встречается только от глаголов, не имеющих формы императива. Ср.: *wizit tház* – О. II, 21, 15 – ‘*знайте это*’; *sit io wákar ...* – О. II, 3, 40 – ‘*будьте всегда бодры...*’ Были выявлены отдельные случаи употребления второго лица оптатива в текстах Ноткера: *Noh in dîneto zórne neirrefsêst du mih* – N. Ps. I, 6, 2 – ‘*но и в гневе твоём не наказывай меня*’.

Для выражения значения будущего оптатив встречается в единичных случаях. Ср.: *thu sîs inan ni lázēs?* – О. IV, 24, 8 – ‘*ты его так отпустишь?*’; *was tuoien wîrs bruodera* – N. Ps. 58, 14 (2, 224, 17) – ‘*что же делать, братья?*’ В большинстве случаев для обозначения будущего используется индикатив. Ср.: *Siu gîbirit sun, inti thû ginemnis sinan namon Heilant* – Т. 5, 8 – ‘*она родит сына, и ты назовёшь его Иисус*’.

Из приведённых примеров следует, что в древневерхненемецком языке сфера употребления презенса оптатива в самостоятельном предложении постепенно сужается. Данная форма совсем не употребляется для выражения потенциальной возможности, а случаи выражения будущего единичны. Кроме того, если в готском языке для выражения запрета использовались только формы оптатива, то в древневерхненемецком языке оптатив в этом значении употребляется редко. Данная функция переходит постепенно к императиву.

Как показывает практический материал, в древневерхненемецком языке преобладали не семантические, а формальные критерии выбора форм оптатива и императива, так, в первом лице множественного числа и во втором лице в большинстве случаев использовался императив, а в третьем – оптатив. Вероятно, это привело в дальнейшем к образованию единой парадигмы императива и оптатива. Данный вывод подтверждают исследования Л.С. Ермолаевой. Она считает, что парадигма императива была пополнена формами оптатива за счёт третьего лица единственного и множественного числа и к концу древневерхненемецкого периода парадигма императива включала формы второго, третьего лица единственного числа и первого, второго, третьего лица множественного числа [21. С. 239].

Употребление презенса оптатива в древневерхненемецком языке в придаточных предложениях незначительно отличается от его употребления в готском языке. В большинстве случаев при употреблении оптатива в придаточных предложениях сохраняется смысловая связь со значениями:

– будущего, например: *mit suórgon ouh ni rátet, mit wiu ir iuih wátet* – О. II, 22, 6 – ‘*не заботьтесь, во что вы оденетесь (будете одевать)*’; *so uuenan so ih cusse ther ist iz* – Т. 183, 2 – ‘*кого я поцелую, тот и есть*’;

– возможности, например: *wer findit untar mánne, mit wiu man gisálze iz thanne?* – О. II, 17, 8 – ‘*кто из людей найдёт, чем её сделать (можно сделать) тогда солёной?*’;

– желательности: «*So wér*», *quad*, «*untar iu si, thaz er súntiloser sí, ther werfe... in sia then ériston stein*» – О. III, 17, 39–40 – ‘*кто из вас без греха, тот пусть первым бросит в неё камень*’.

Особый интерес представляют придаточные предложения косвенной речи, так как именно в этом типе придаточных предложений происходят наиболее важные изменения, затрагивающие модальную систему немецкого языка.

Для передачи косвенной речи в древневерхненемецком языке использовались как оптатив, так и индикатив. В некоторых случаях оптатив сохранял свойственные ему значения: презенс оптатива – значение будущего (характерное для него в придаточных предложениях), например: *Ist uns in thîr giwissi, thaz unser stûbbi fulaz werde* (презенс оптатива) *avur sùlih, soso iz was* – О. V, 24, 11–12 – ‘*мы разумом понимаем, что наш прах станет тем, чем был*’, а претерит оптатива – значение нереальности. Ср.: *Unde be diu sagent fabule daz in iuno stieze* (претерит оптатива) *aba himele* – N. I, 760, 27 – ‘*поэтому предания рассказывают, что Юнона толкнула его с неба*’. В последнем примере в придаточном предложении глагол стоит в претерите оптатива, так как речь идёт о легенде, т.е. о событиях нереальных, с точки зрения говорящего.

Однако в ряде случаев употребление оптатива можно рассматривать как средство передачи косвенной речи. Ср.: *Spréhent thie liuti, thu sîs* (презенс оптатива) *thêro forasagono einêr* – О. III, 12, 17 – ‘*люди говорят, что ты – один из пророков*’; *Thô gihôrt êr mârî, thâr ander kuning wâri* (претерит оптатива) – О. I, 21, 11 – ‘*он слышал рассказ, там был другой царь*’; *nî mohtun si gilouben, thaz êr gisâhi* (претерит оптатива) – О. III, 20, 75 – ‘*они не могли поверить, что он прозрел*’.

В приведённых примерах в придаточном предложении презенс оптатива употребляется в том случае, если в главном предложении употреблена форма презенса индикатива, и, соответственно, если в главном предложении употребляется претерит индикатива, то в придаточном стоит претерит оптатива. Следовательно, претерит оптатива в данном случае сохраняет свои временные характеристики, а не является средством выражения нереальности.

В редких случаях при употреблении в главном предложении претерита индикатива в придаточном предложении встречается презенс оптатива: *Êr gikundta hérasun, tház er si* (презенс оптатива) *selbo gótes sun* – О. IV, 23, 25 – ‘*он возвестил, что он есть сын Божий*’. В отношении таких примеров можно однозначно утверждать, что презенс оптатива выступает как средство передачи косвенной речи.

Однако наряду с оптативом значение косвенной речи мог выражать и индикатив: *sagetun, thaz sie gahun sterron einan sahun* (претерит индикатива) – О. I, 17, 19 – ‘*они рассказали, что вдруг они увидели звезду*’; *sîn sêlbes stimma sprah uns thaz, theiz sun sîn einigo was* (претерит индикатива) – О. II, 3, 49 – ‘*его собственный голос сказал нам, что это был его сын*’; *Thô sprah sancta Mária, thaz*

siu zi hūge hābeta (претерит индикатива) – О. I, 7, 1 – ‘святая Мария рассказала, что у неё была за мысль’.

Анализ письменных памятников древневерхненемецкого периода показывает, что в древневерхненемецком языке оптатив ещё не употреблялся для выражения косвенной речи регулярно.

В данный период возрастает частотность употребления претерита оптатива. Он употребляется регулярно для выражения нереальности в простых и придаточных предложениях. Ср.: *warist thu hiar* – Otf. III. 24, 51 – ‘**Был бы ты здесь!**’; *thu mohfīs ein gifuari mir giduan* – О. II, 14, 43 – ‘**ты мог бы** сделать мне одолжение’; *genioge getrunchin gērno* – N.B. 1, 11 (1, 708, 5) – ‘многие с удовольствием **напились бы**’; *ob thu hier uuarist, thanne ni uuari tót min bruoder* – T. 135, 20 – ‘если **бы ты был** здесь, брат мой не **умер бы**’; *guat wāri imo, thaz giboran ni wāri ther man* – T. 158, 6 – ‘лучше **было бы**, если **бы** этот человек не **подилялся**’.

Регулярность употребления в древневерхненемецком языке форм претерита оптатива для выражения значения нереальности позволяет говорить о зарождении нового наклонения – ирреалиса.

С появлением ирреалиса начинается переориентация всей модальной системы. Если в готском языке в основе категории наклонений лежало семантическое противопоставление действительность/недействительность, т.е. индикатив обозначал действия действительные, а косвенные наклонения выражали модальность недействительности (желательность, необходимость, возможность, сомнение и т.д.), то в древневерхненемецкий период начинается процесс, в результате которого семантической основой категории наклонений постепенно становится противопоставление реальность/нереальность.

Для выражения реальности в древневерхненемецком языке употреблялись индикатив, императив и частично оптатив, а для выражения нереальности – ирреалис. Реальными представляются «...действия, не только осуществившиеся или осуществляющиеся в определённый отрезок времени, но и действия, реальность осуществления которых возможна, желательна, необходима или же только предполагается. Нереальными представляются действия, не осуществившиеся либо неосуществимые в обозначенный отрезок времени (имплицитное отрицание), о которых, однако, условно говорится как об осуществившихся или осуществляемых (отсутствие прямого указания на отрицание)» [22. С. 70].

Начало перестройки в системе наклонений в древневерхненемецкий период способствовало переориентации категории наклонений с внутренней модальности на объективную внешнюю. Под объективной внешней модальностью предложения понимается «отношение его содержания к действительности в плане реальности/нереальности» [22. С. 68].

Таким образом, наклонения становятся средством выражения объективной внешней модальности. Индикатив, императив, оптатив выражают реальность, ирреалис – нереальность, а функции выражения внутренней модальности (возможность, необходимость, желательность) постепенно берут на себя претерито-презентные глаголы, выступающие в функции модальных глаголов. В древневерхненемецком языке их число возрастает.

«Как показал анализ языкового материала, для выражения модальных значений употреблялись претерито-презентные глаголы *magan/mugan, sculan, muozan, thurfan, kunnan u wellen*» [25].

В средневерхненемецкий период завершается процесс распада оптатива. В независимом предложении во втором лице употребляется только императив. Ср.: «*Nu versprich ez niht ze sêre*», *sprach aber ir muoter dô* – Nib. 16 – ‘**«не обещаю** так много», сказала ей тут мать’; «*saget mir, liebiu vrouwe, wer hât iu iht getân?*» – Nib. 852 – ‘**«скажете** мне, любимая, кто обидел Вас?’»; «*Nu lâit iuch niht betriegen*», *sprach Hagene* – Nib. 1461 – ‘**«не позволяйте** себя обольщать», сказал Хаген’.

В средневерхненемецком языке в первом лице множественного числа совпали формы императива, презенса оптатива и презенса индикатива и для выражения приглашения к совместному действию употребляется синкретичная форма с окончанием -en. Ср.: *ni binden ûf die hêlme* – Nib. 1541 – ‘**давайте** наденем шлемы’; *gên wir zuo dês meien hôhgezite* – W.v.V. 46, 22 – ‘**давай пойдём** на мою свадьбу’.

В третьем лице для выражения пожелания употребляется форма оптатива: *Minen willen gelte mir, send emir ir guoten willen, minen den habe iemer ir* – W.v.V. 99, 38–39 – ‘**пусть** она **отдаст** мне мои желания, **пусть пошлёт** мне своё расположение, мои **пусть** всегда **остаются** у неё’; *lob ich hie, sô lobe er dort* – W.v.V. 53, 32 – ‘хвалю я здесь, так **пусть** он **хвалит** там’.

В средневерхненемецком языке между императивом и оптативом устанавливаются отношения дополнительной дистрибуции. Во втором лице для выражения волеизъявления употребляется императив, в третьем лице – оптатив, а в первом лице – синкретичная форма индикатива. Таким образом, формы оптатива пополняют парадигму императива.

В результате анализа письменных памятников средневерхненемецкого периода не было выявлено ни одного случая употребления оптатива в независимом предложении для выражения сомнения, вероятности или будущего. Следовательно, можно констатировать, что в средневерхненемецком языке оптатив в независимом предложении непродуктивен.

Однако формы оптатива употребляются в средневерхненемецкий период в различных типах придаточных предложений, в том числе в предложениях косвенной речи. Ср.: *do in daz wart geseit, daz ez der künec waere...* – Nib. 193 – ‘тут им было сказано, что он король...’; *inteniuwe maere sich huoben über Rin, man sagte daz da waere manec scoene magedin* – Nib. 325 – ‘новые слухи полетели через Рейн, говорили, что там было много красивых девушек’.

В приведённых примерах косвенная речь выражена оптативом, так как содержание высказывания представлялось говорящему неочевидным, гипотетичным. В то же время в ряде примеров оптатив не выражает какого-либо особого отношения говорящего к сообщаемому факту. Ср., например: *Sifride und Kriemhilde wart beiden so geseit daz ritter komen waeren...* – Nib. 740 – ‘Зигфриду и Кримхильде тогда сообщили, что **прибыли** рыцари...’; *...sus seiten sie Ruale ez waere in Kurnevale* – Tr. 3825 – ‘они сказали Руало, что это **было** в Курневале’;

...ouch hære ich iu selben der degenheite jehen daz man küneec deheinen küener **habe gesehen** – Nib. 108 – ‘и я слышу, как вы сами, рыцари, утверждаете, что никогда не **видели** более смелого короля’; für alle die si komen die muosen in des jehen, daz si zer werlde **heten bezzers niht gesehen** – Nib. 370 – ‘все, кто их видел, должны были признаться, что они ничего лучше на свете **не видели**’. В данных примерах передаётся объективный факт, имевший место в действительности, и, следовательно, оптатив (конъюнктив) выступает средством выражения косвенной речи, а не гипотетичности.

Таким образом, в средневерхненемецкий период оптатив не употребляется в независимом предложении, но встречается в различных типах придаточных предложений, т.е. становится средством выражения подчинения. В данный период намечается преобразование форм оптатива в комментатив (в конъюнктив косвенной речи, по традиционной терминологии). Формы оптатива постепенно утрачивают функцию выражения гипотетичности, неопределённости и становятся средством выражения «чужой» речи. Эта тенденция получает своё дальнейшее развитие в ранненововерхненемецкий период.

В ранненововерхненемецком языке завершается процесс преобразования оптатива в комментатив, т.е. оптатив становится средством передачи косвенной речи. Ср.: *und hast die 24. Jar hero gemeinet, es sey alles Goldt, was glesset* – Fst. 117 – ‘...и 24 года считал, что всё то золото, что **блестит**’; *Zum ersten, wen man hat auff sie drungen, mit weltlicher gewalt, haben sie gesetzt und gesagt, weltlich gewalt **habe** nit recht, ubir sie, sondern widderumb, geysilich sey ubir die weltliche.* – Lut. An den Adel – ‘во-первых, когда на них оказывали давление, светской силой, они утверждали и говорили, что светская сила не **имеет** власти над ними, а наоборот, духовное господствует над светским’.

В ранненововерхненемецкий период категория наклонения принимает вид, который она имеет в современном немецком языке.

Формирование класса модальных глаголов, которые в процессе развития языка берут на себя функции оптатива [23], и одновременное становление ирреалиса свидетельствуют о перестройке всей системы наклонений. Семантической основой этой перестройки явилось противоречие в системе наклонений между прежним противопоставлением «эвидентность/неэвидентность» и вновь зародившемся противопоставлением «реальность/ирреальность».

Перестройка категории наклонения привела к изменению ее состава и к семантическому переосмыслению её членов. В современном немецком языке категория наклонения согласно концепции Л.С. Ермолаевой состоит из двух самостоятельных наклонений – реалиса и ирреалиса. Реалис объединяет индикатив, императив и комментатив по модальному значению реальности в одно наклонение [22. С. 82].

Парадигматическое значение индикатива – реальность. В отличие от императива и комментатива, индикатив является основным средством выражения модальности реальности в повествовательных и вопросительных предложениях прямой речи. Он также может употребляться в повелительных предложениях и в предложениях косвенной речи.

Императив является средством выражения реальности в повелительных предложениях, он обозначает не эвидентность (недействительность), а реальность. Парадигматическое значение комментатива – реальность. Он употребляется в предложениях косвенной речи и маркирует чужое высказывание, т.е. обозначает вид речи. Являясь компонентом реалиса, комментатив не имеет самостоятельного модального значения, и его статус в системе наклонений современного немецкого языка становится понятным только при условии учета происхождения из самостоятельного наклонения оптатива.

Как следует из вышеизложенного, индикатив и комментатив в рамках общего для них модального значения реальности объединены в одно наклонение реалис, но противостоят друг другу по значению вида речи. Отношения между индикативом и комментативом в современном немецком языке являются, в соответствии с принятым в отечественной германистике определением грамматической категории, оппозиционными. Следовательно, можно заключить, что в современном немецком языке есть все необходимые условия для выделения в его системе морфологической категории вида речи, а именно:

- обобщенное грамматическое значение – значение вида речи;
- антонимичные значения «прямая/косвенная речь», противопоставленные в рамках обобщенного значения;
- необходимые морфологические формы, выражающие эти противопоставленные значения. Ср.:

Индикатив / Коментатив (ich) <u>mache</u> / <u>mache</u> (du) machst / machest (er) macht / machet	Презенс	Индикатив / Коментатив (wir) <u>machen</u> / <u>machen</u> (ihr) macht / machet (sie) <u>machen</u> / <u>machen</u>
	Перфект	
Индикатив / Коментатив (ich) <u>habe gemacht</u> / <u>habe gemacht</u> (du) hast gemacht / habest gemacht (er) hat gemacht / habe gemacht	Футурум I	Индикатив / Коментатив (wir) <u>haben gemacht</u> / <u>haben gemacht</u> (ihr) habt gemacht / habet gemacht (sie) <u>haben gemacht</u> / <u>haben gemacht</u>
Индикатив / Коментатив (ich) <u>werde machen</u> / <u>werde machen</u> (du) wirst machen / werdest machen (er) wird machen / werde machen		Индикатив / Коментатив (wir) <u>werden machen</u> / <u>werden machen</u> (ihr) <u>werdet machen</u> / <u>werdet machen</u> (sie) <u>werden machen</u> / <u>werden machen</u>

Подчеркнутые формы трактуются автором статьи как синкретичные. «Синкретичная форма в морфологии есть укрупненная граммема. Как таковая она воспринимается на фоне дискретизма – различия соответствующих однородных граммем в другой части морфологической системы описываемого языка в соответствующий период его развития» [22. С. 39–40]. Ср.:

Несинкретичные формы	Синкретичная форма
(ich) mache → (1-е лицо) ← (ich)	} habe gemacht
(er) macht → (3-е лицо) ← (er)	

В данном примере две несинкретичные формы выражают два грамматических значения, которые в случае с синкретизмом выражаются одной формой. Синкретичная форма выражает эти значения в обобщенном виде, так как она объединяет в себе два несинкретичных значения, маркируемых в презенсе двумя соответствующими морфологическими формами. Тогда в приведенном выше примере значение синкретичной формы – не-второе лицо единственного числа.

В этой связи следует различать синкретичные и омонимичные формы, так как тождественные формы в парадигме традиционно трактуются в грамматике как омонимичные. Омонимия заключается, в отличие от синкретизма, в совпадении в одном элементе выражения двух или более элементов разного категориального содержания. В отношении морфологии необходимо подчеркнуть, что эти элементы относятся к различным морфологическим категориям, в то время как синкретизм возможен только в рамках одной категории. Тогда признается только межпарадигматическая омонимия, а омонимия в микропарадигме отрицается и соответствующие тождественные

формы одной грамматической категории трактуются как явление синкретизма.

Так, случаи совпадения форм типа (wir) machen – (sie) machen представляют собой пример синкретизма, так как обе формы принадлежат одной и той же категории и совмещают в укрупненной граммеме лишь один дифференциальный признак плана содержания. Набор дифференциальных признаков этих форм идентичен. Формы типа (er) macht / (ihr) macht омонимичны, так как они входят в разные частные парадигмы. Первая омонимия входит в микропарадигму единственного числа, вторая – в микропарадигму множественного числа; формы обладают, соответственно, разными категориальными значениями и различаются по двум дифференциальным признакам (лица и числа).

Синкретичные формы в приведенной выше микропарадигме морфологической категории вида речи нейтральны в отношении значений прямая, косвенная речь и могут выражать в соответствующем контексте значение как прямой, так и косвенной речи.

Тогда с учётом синкретичных форм морфологическая категория косвенности/некосвенности в современном немецком языке в презенсе и перфекте является трёхчленной:

Präsens
(du) machst / machest
(er) macht / machet
(ihr) macht / machet
Perfekt
(du) hast gemacht / habest gemacht
(er) hat gemacht / habe gemacht
(ihr) habt gemacht / habet gemacht,
а в футуруме I – двучленной:
Futurum I
(du) wirst machen / werdest machen
(er) wird machen / werde machen.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1971.
2. Grebe P. Der Große Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / Hrsg. von P. Grebe. Leningrad, 1982.
3. Erben J. Zur Frage des Konjunktivs // Zeitschrift für die deutsche Sprache. 1977. Jg. 22, heft 3.
4. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig etc., 1996.
5. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre. Berlin, 1969.
6. Flämig W. Grammatik des Deutschen. Einführung in Struktur- und Wirkungszusammenhänge. Berlin, 1998.
7. Glinz H. Deutsche Grammatik I. Satz – Modus – Tempus. Frankfurt am Main, 1971.
8. Jäger S. Der Konjunktiv in der deutschen Sprache der Gegenwart. Untersuchungen an ausgewählten Texten. Düsseldorf, 1977.
9. Строева Т.В. Модальность косвенной речи в немецком языке. Л., 1950.
10. Moskalskaja O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. M., 1993.
11. Гулыга Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971.
12. Жеребков В.А. Глагол: Пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков. М., 1982.
13. Семенов Н.И. Некоторые вопросы изучения вариантности // Вопросы языкознания. 1965. № 1.
14. Волкова Л.Б. Морфологические средства выражения модальности реальности в современном немецком языке (парадигма реальности): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
15. Admoni W.G. Der deutsche Sprachbau. M., 1986.
16. Schendels E. Deutsche Grammatik. M., 1988.
17. Седелъников В.А. О грамматических категориях простого предложения в современном русском языке // Исследования по современному русскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1980.
18. Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. Stuttgart; Weimar, 1994.
19. Гухман М.М. Готский язык. М., 1998.
20. Braune W., Helm K. Gotische Grammatik mit Lesestücken und Wortverzeichnis. Halle, 1952.
21. Ермолаева Л.С. Типология развития системы наклонений // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М., 1977.
22. Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М., 1987.

23. Бабакина Т.Н. Становление модальных глаголов как выразителей внутренней модальности в немецком языке (на материале древне-, средне- и ранненововерхненемецкого языков) // Вестник ТГПУ. Серия: гуманитарные науки (Филология: индоевропейские и сибирские языки). 2006. Вып. 4 (55).
24. Takahasi T. Über die Modalverben des Gotischen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung 96. 1982/83.
25. Бабакина Т.Н. Инновационные черты модальной системы древневерхненемецкого языка // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур // Вопросы преподавания иностранных и национальных языков: Сборник статей Международной конференции «XXIV Дульзоновские чтения». Томск: ТГПУ, 2005.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Mat. – Das Matthäus-Evangelium // Die gotische Bibel / Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1908.
2. Mrk. – Das Markus-Evangelium // Die gotische Bibel / Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1908.
3. Luk. – Das Lukas-Evangelium // Die gotische Bibel / Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1908.
4. Jhn. – Das Johannes-Evangelium // Die gotische Bibel / Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1908.
5. Röm. – Der Römerbrief // Die gotische Bibel / Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1908.
6. I. Kor. – Der erste Korintherbrief // Die gotische Bibel / Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1908.
7. II. Kor. – Der zweite Korintherbrief // Die gotische Bibel / Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1908.
8. II. Tim. – Der zweite Timotheusbrief // Die gotische Bibel / Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1908.
9. Tit. – Der Titusbrief // Die gotische Bibel / Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1908.
10. Eph. – Der Epheserbrief // Die gotische Bibel / Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1908.
11. N.B. – Notkers des Deutschen Werke. Nach den Handschriften / Neu hrsg. von E.H. Sehart und Taylor Strack. Halle/Saale: Niemeyer, 1933. Bd. 1, heft 1: Boethius de consolatione philosophiae I und II.
12. N. Ps. I. – Notkers des Deutschen Werke. Nach den Handschriften. Neu hrsg. von E.H. Sehart und Taylor Strack. Halle/Saale: Niemeyer, 1952. Bd. 3, т. 1: Der Psalter.
13. O. – Otfrids Evangelienbuch / Hrsg. von O. Erdmann. Tübingen, 1973.
14. T. – Tatian. Lateinisch und altdeutsch mit ausführlichem Glossar / Hrsg. von E. Sievers. Paderborn, 1966.
15. W.v.V. – Walter von der Vogelweide. Die Lieder. Mittelhochdeutsch und in neuhochdeutscher Prosa. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972.
16. Nib. – Das Nibelungenlied: Zweisprachig / Hrsg. u. ubertr. von Helmut de Boor. Leipzig, 1992.
17. Lut. An den Adel – D. Martin Luthers Werke. Kritische Gesamtausgabe. Weimar, 1888. Bd. 6.
18. Fst. – Das Volksbuch vom Doktor Faust / Nach der um die Erfurter Geschichten vermehrten Fassung hrsg. und eingel. von J. Fritz. Halle a. S.: Niemeyer, 1914.
19. Tr. – Gottfrid von Straßburg. Tristan und Isolde. Leipzig, 1869.

Статья представлена кафедрой немецкого языка факультета иностранных языков Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филологические науки» 20 декабря 2006 г., принята к печати 27 декабря 2006 г.